

КРОКОДИЛ

№6 • февраль • 1982

ISSN 0130-2671

ТАК ДЕРЖАТЬ!

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

Ни в одном художественном учебном заведении нет факультета карикатуры. И понятно почему. Если б такой факультет был создан, то на другой же день раскатистый хохот потряс бы стены его аудиторий и вывел из строя все остальные факультеты. Причем вовсе не исключено, что поводом для смеха стали бы шаржи на ректора, проректора и других руководителей этого вуза. (Кстати сказать, есть подозрение, что карикатуристы называют шаржи «дружескими» только ради своей безопасности.)

Так или иначе, но дело, конечно, не в опасениях, как бы на такой факультет не пролезли отпрыски отчаянно пробивных пап и мам. Ибо любой отпрыск, обнаруживший свою бездарность — а для этого, как известно, не нужно никакого таланта! — вылетел бы за двери, далеко опережая собственные междометия.

Однако эта зияющая «карикатурная» брешь в обширном хозяйстве Министерства высшего и среднего специального образования никого не тревожит. Дело в том, что высшая, а также и средняя специальная школа для карикатуристов, оказывается, существует. Это — редакции газет и журналов, где в полном соответствии с учением Дарвина ежедневно происходит суровый естественный отбор как самих талантов, так и их произведений. В результате чего и появляются на их страницах рисунки, вызывающие у нас с вами веселую или не очень веселую улыбку.

Крупнейшим в мире питомником карикатуристов является редакция «Крокодила». Вот уж скоро — летом нынешнего года — стукнет шесть десятков лет, как здесь взращиваются и расцветают художники, посвятившие себя, говоря словами Максима Горького, «социально значительному и полезнейшему искусству» карикатуры. И в их числе — общепризнанные мастера, любимцы миллионов читателей, правофланговые советской сатирической графики.

Многие читатели в своих письмах просят поподробнее рассказать об этих художниках. Думается, что юбилей нашего журнала — подходящий повод для такого знакомства с ведущими карикатуристами «Крокодила». И рубрика для этого нашлась сама собой: «Мои ветераны».

Под ней мы и будем печатать заметки о художниках и лучшие их работы разных лет.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

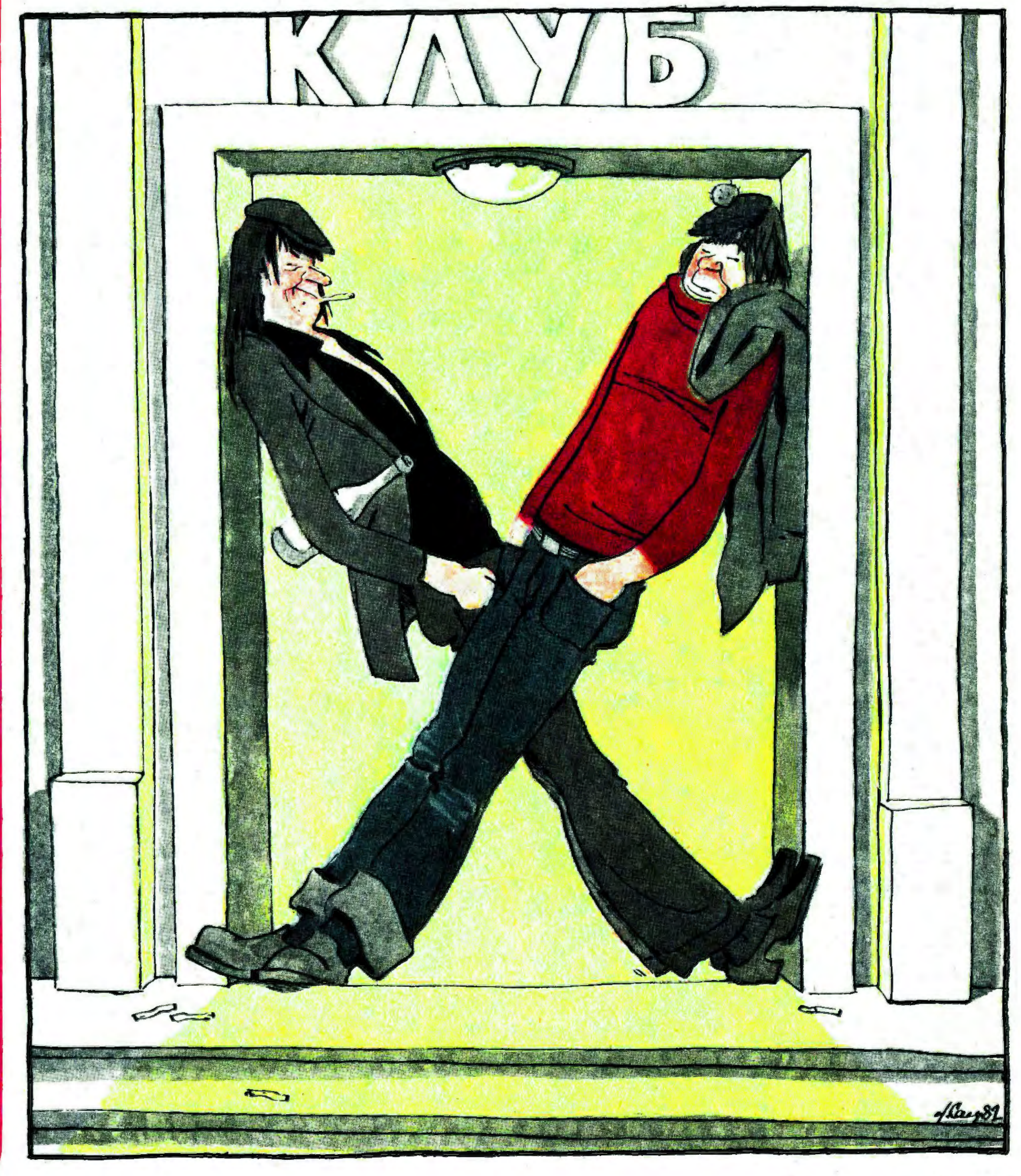
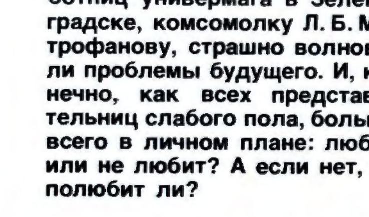

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

ВИЛЫ В БОК!

СТРАНИЧКА ТУРИСТА

Для вас, любители путешествий!

Вы сможете полюбоваться классическими формами Колизея-Кемеровского, а также, пользуясь услугами нечистой силы, совершить незабываемое путешествие в будущее. Шоферы-экскурсоводы из Баку и Самарканда помогут вам избавиться от лишнего веса вашего кошелька.

ДЯДЯ ЮРА — ВАЖНАЯ ФИГУРА

Как только мы уселись в автобус, толстенький, но довольно бойкий шофер, выхватив у экскурсовода микрофон, затараторил:

— Киевляне! Ласкаво просимо! Запомните: дядя Юра — это я — вам все покажет и расскажет, поможет купить сувениры и прочие промтовары. Уточняю, граждане, все безвозмездно... Почти безвозмездно.

После такой увертюры экскурсионная группа воодушевилась, и ей не оставалось ничего другого, как щедро вознаградить дядю Юру, конечно же, не только аплодисментами. Староста группы из тридцати единомышленников немедленно собрал пошлину — по два рублика с каждой головы. Но дядя Юра и здесь оказался на уровне, проявив небывалую водительскую сдержанность:

— Деньги вперед не беру!

Пленив таким образом своих новых друзей, дядя Юра вовремя останавливал автобус возле нужных магазинов, на рынке с дарами щедрой азербайджанской природы, точно указывал те места, где туристы имели возможность реализовать свои трудовые сбережения.

После обзорной экскурсии по Баку дядя Юра снова взял бразды правления в свои крепкие руки.

— У нас намечена поездка в Сумгаит, так сказать, город-труженик. Но скажу по-дружески, там вы ничем не сможете пополнить свой багаж. Да и дяде Юре, между прочим, тоже бай-бай хочется.— Тут-то он положил в карман собранные деньги. Затем извлек из кабины рулон билетов, картинно намотал его на руку, небрежно оторвал несколько штук и тут же смял.— Лучше прокатитесь на катере. Наше нефтяное море лечит все болезни, в том числе и нервы...

Когда я поведал об этой истории директору Бакинского бюро экскурсий и путешествий Фархаду Аскерову, под ним едва не загорелось кресло от возмущения. Он даже пообещал строго наказать дядю Юру, а точнее, водителя автобуса Ю. Абрамова. Но как только киевская тургруппа (во главе с молчаливым и безропотным групповодом В. Тереховой) исчезла с бакинского горизонта, гнев директора сразу потерял свою взрывную силу (мы проверяли).

Вроде бы частный, нехарактерный случай. Но, как назло, услужливая память вдруг навеяла самаркандскую поездку. Там инициативу взял в свои руки другой «дядя Юра», бескорыстная доброта которого обошлась экскурсантам тоже в два рубля с человека. Он то и дело напоминал туристам, что делает огромное одолжение, щедро сжигая государственный бензин и собственное сердце. И, конечно же, намекал, что за безвозвратно сожженные ценности надо платить наличными. Тем более, у его супруги нынче день ангела.

Растроганные до слез туристы решили немедленно преподнести имениннице по торту и даже начали изыскивать для этой цели дополнительные средства. Но не успели они вечером высадиться у гостиницы «Багашамал», как водитель загрузил в автобус какую-то группу и преспокойно укатил во внеочередной рейс, забыв о супруге, дне ангела и прочих трогательных вещах.

Тут скажут: никто силком не выдирал из рук копейку. Верно. Но вот же собирали и поныне собирают дополнительные денежки для водителей почти в каждой турпоездке. Может, чтобы не быть белой вороной, не уронить чести родного города — что мы, беднее других? Но ведь хозяева не отказываются и даже намекают на дань. Какой же выход?

Директор Киевского бюро экскурсий и путешествий А. Чернышев отвечает:

— В нашей работе главная фигура не какой-то рвач «дядя Юра», а экскурсовод. Если он уверенно сидит на переднем сиденье автобуса, не вступает в сделку с «дядей Юрой», подобных казусов не происходит. Дополнительные услуги, если таковые возникают по ходу экскурсии, оплачиваются только через кассу.

Золотые слова! Если бы они всюду опирались на золотые дела...

С. РУДИК,
г. Киев.

ТАРИФНАЯ НЕРАЗБЕРИХА

Одну из руководящих работниц универмага в Зеленоградске, комсомолку Л. Б. Митрофанову, страшно волновали проблемы будущего. И, конечно, как всех представительниц слабого пола, больше всего в личном плане: любит или не любит? А если нет, то полюбит ли?

Когда представился удобный случай заглянуть в завтрашний день, Митрофанова не колебалась ни минуты. Она пригласила смуглую и черноокую прорицательницу в свой служебный кабинет. Гадание обошлось недешево: золотые серьги, новенький плащ, 270 рублей наличными...

В тот же день полномочная представительница нечистой силы посетила и гастроном «Волна», где дала сеанс черной магии продавщице-комсомолке З. Л. Зеленко. Финал был примерно тот же: в широкоформатных юбках смуглянки исчезли золотое кольцо, два червонца, модный самовыстреливающийся зонтик.

Обе заплаканные комсомолки примчались в милицию:

— Помогите! Мы думали, что гадание обойдется в трешку, ну, в пятерку. А получилась откровенная обдираловка!

И в самом деле, специалистам по ценообразованию давно пора вмешаться в этот вопрос. Почему бы, например, не установить дифференцированную оплату за услуги нечистой силы? Скажем, одну сумму брать с работников прилавка, другую — с пенсионеров, третью — с пионеров...

Впрочем, пионеров вряд ли интересуют контакты с нечистой силой...

В. ОСТЕН,
Калининградская область.

ПОГОРЕЛЬЦЫ

Нет, дорогие читатели, перед вами не знаменитые развалины Колизея и даже не то, что осталось после последнего дня Помпеи. Впрочем, если вы даже приняли сие странное сооружение за декорации для съемок очередного остросюжетного фильма, в котором действуют тени прошлого, окопавшиеся в графских развалинах, то и в этом случае промахнулись.

Несколько лет назад здесь было в четыре раза больше стен, и они были накрыты крышей, под которой размещался ДК шахты имени Ем. Ярославского г. Ленинска-Кузнецкого, что в Кемеровской области.

Мы не знаем, клубная ли самодеятельность подожгла его, дабы прочувствовать по Станиславскому состояние Нерона при сожжении Рима, пожарник ли не уследил за окурком, по-тараканьи забившимся в щель, или еще по какой причине разгорелся ярким огнем этот очаг культуры... Знаем только, что возгоревшееся пламя вовремя затушить не удалось, и стал бывший очаг культуры очагом повышенной опасности. Особенно для детей и подростков, да иной раз еще и для некоторых взрослых, хорошо что-либо «отметивших»...

Конечно, может статься, руководители шахты имеют дальний прицел. Может, рассчитывают, к примеру, что еще через несколько десятков лет город станет новой Меккой и туристы хлынут сюда посмотреть на успевшие стать старинными развалины?

Если это так, просим считать данное выступление рекламой.

Ал. ЕМЕЛЬЯНОВ.

23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

«ВЕСЕЛЫЙ ПРИВАЛ»

Ветерану армейской печати — ежедневной газете Краснознаменного Белорусского военного округа «Во славу Родины» исполнилось шестьдесят.

За эти годы пришли новые поколения читателей и редакционных работников. Но какой бы период мы ни взяли — будь то годы напряженной боевой учебы или суровые годы войны, — газетные полосы всегда служили могучим средством воспитания и формирования воина-патриота, умелого, отважного, не боящегося никаких превратностей солдатских будней, и, что не менее важно, воина-оптимиста, любимый герой которого — Василий Теркин.

Давно уже и прочно обосновался в газете веселый раздел под названием «Вожык идет по гарнизонам» с крепким отрядом внештатных корреспондентов. Фельетоны, юморески, басни, колючие стихи, карикатуры — словом, здесь представлен весь арсенал боевых сатирических средств.

По случаю всенародного праздника — Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота — Крокодил пригласил на свои страницы коллег — сатириков и юмористов из окружной газеты «Во славу Родины».

В таких случаях и авторам и читателям дается команда: вольно!

СТРАХОВКА.

Рисунок М. РУДКОВСКОГО.

НА ФЕРМЕ

Случай на учениях

Заблудившись в час вечерний
В дни учебы боевой,
Подкатил солдат на ферму
На машине грузовой.
В дверь стучится осторожно
И доярке говорит:
— Извините, если можно,
За непрошеный визит.
Заблудился, елки-палки,
Перепутал все пути,
В этой снежной перепалке
Ни проехать ни пройти.
— Что же! — Девушка смеется. —
Посиди, погрейся здесь,
Творожок у нас найдется,
Молоко парное есть.
Говорит она с задором
И веселым огоньком,
Заплутавшего шофера
Угощает молоком...
И сказал солдат с волненьем,
Выпив кружку молока:
— Жди! Поеду я с учений,
Заблужусь наверняка...

Подполковник А. КОСОВ.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ПЕЧЬ

Фронтовая быль

На войне всякое случалось. От трагического до смешного меньше одного перехода. А частенько они тут же рядом — смех и слезы...

Конец 1943 года. Зима. Вечер. Наша танковая группа стремительной и внезапной атакой овладела одной из полесских деревень. Впрочем, точнее сказать, овладела бывшей деревней, ибо от населенного пункта остались, по существу, одно название да чудом уцелевшая изба. Изба была давно нетопленой, холодной. Но мы были рады и ей, поместив туда раненых. Не успели мы, что называется, осмотреться, а наши повара «завести» свои походные кухни, как откуда ни возьмись появилась старушка, хозяйка избы. Отсиживалась она в какой-то яме на опушке и, увидев наших, пришла в родной дом. Не буду передавать ее радость и горе. Радость от долгожданной свободы и горе от всего того, что оставили на ее родной земле фашистские захватчики. Но времени предаваться горю у нее не было. Хозяйка есть хозяйка. Уж очень ей хотелось угостить своих освободителей, а с собой она принесла в мешке немного картошки, лука и ломоть сала.

Теперь дело было за печкой. Ребята вмиг накололи дров, старушка привычно разложила их в печи, зажгла лучину, наотрез отказавшись от принесенного кем-то бензина. «Всю жизнь с одной спички печь заводила», — обиженно сказала она. Все потирали руки от предвкушения тепла и редкого на войне лакомства — горячей картошки с деревенским салом.

Но что это? Старушка истратила уже одну, другую, пятую спичку, а печь не желала растапливаться. Помянула хозяйка и бога и дьявола, но результатов все равно никаких. Дым стелился по избе, въедался в глаза, выпирал из всех щелей, но идти через трубу категорически отказывался.

— Поди, кирпичом дымоход завалило, — вздыхала виновато старушка, — такая пальба была, не только кирпичи, небо могло рухнуть.

— Это, мать, мы быстро проверим, кирпич там или кусок неба застрял, — сказал один сержант, — когда-то у себя дома сам печки клал. Эти дымоходы мне, как ходовая часть тридцатьчетверки, роднее родного.

Танкисты быстро сколотили лестницу, и сержант уже почти в темноте полез на крышу. Бабка стояла внизу и давала указания, где ловчее ползти, чтобы не провалиться: под снегом не увидишь. Но не успел сержант подползти к трубе, как из нее выскочило что-то черное, покатилось вниз и упало рядом с бабкой. Та закричала не своим голосом: свят, свят, нечистая сила!

Но сержант, мгновенно спрыгнувший вслед, уже крепко держал «нечистую силу», которая жалобно и заикаясь пищала: «Гитлер капут, Гитлер капут!»...

Сбежался народ. В лучах фонариков перед нами предстала жалкая фигура фрица, действительно похожего на домового — весь в саже и копоти. Мы покатились со смеху. Черт, настоящий черт, только глаза и зубы видны. Кто-то из нас, знавший немецкий, перевел «черту» — тойфель!

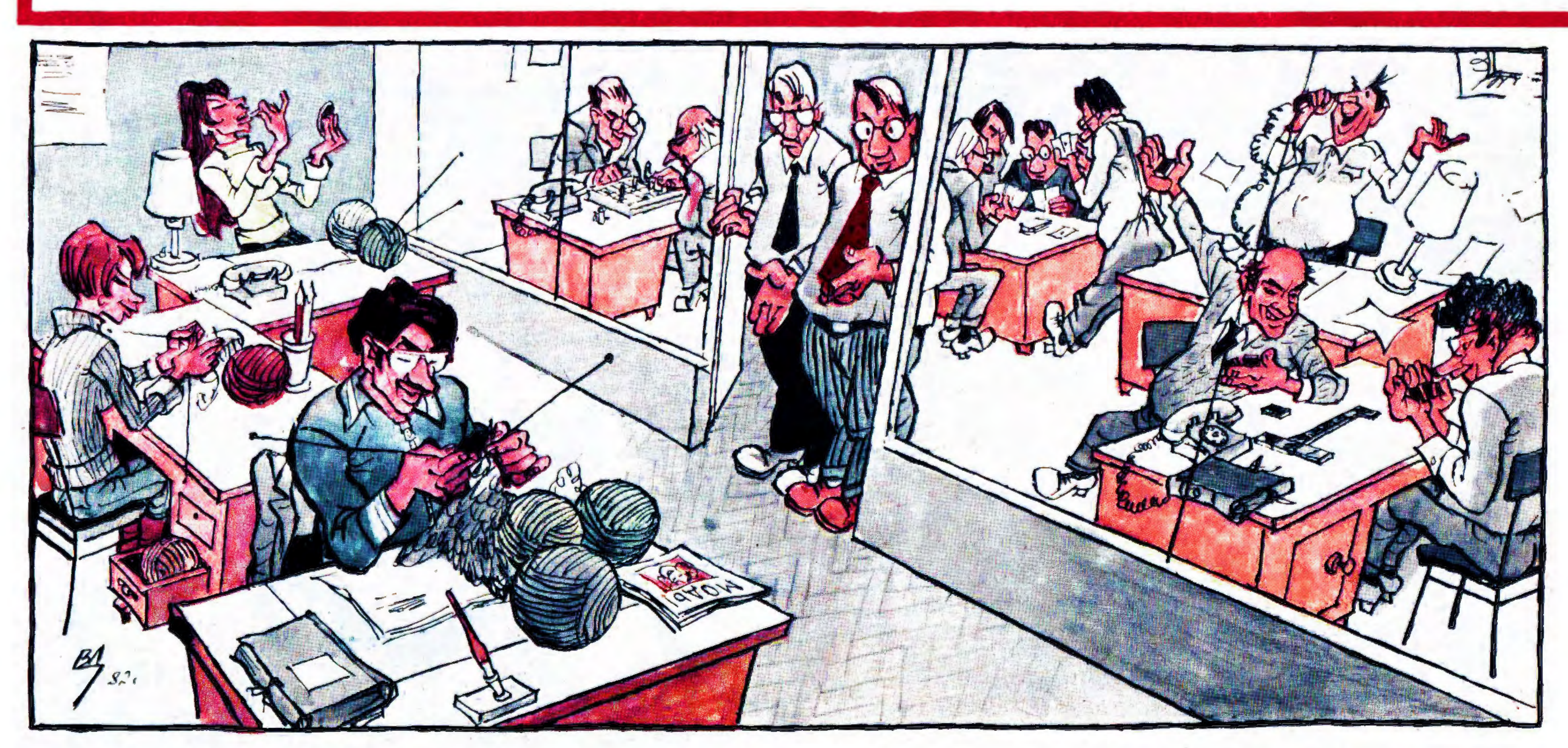
Незадачливый вояка, поняв, что никто не жаждет его смерти, и стараясь поддержать смех, начал отплясывать нечто вроде дьявольского танца. Видимо, он не только веселил нас, но и одновременно отогревался от долгого сидения в трубе. Угостили мы «черта» за его концерт махоркой, дали поесть и отправили в тыл. Прощаясь с нами, он повторял: «Русс — зер гут, наци — зер шлехт, Гитлер — тойфель, капут!»

Бабка затопила, наконец, печь, поставила картошку с салом, и такой пошел домашний дух по избе, что дух захватило...

Смеялись, улыбались наши танкисты, отогреваясь в чудом уцелевшей избе.

А наутро ушли в новый бой.

Герой Советского Союза полковник в отставке Е. ВАЙНБУР.

— Совсем испортился парень... Надо было сразу брать его в наш отдел.

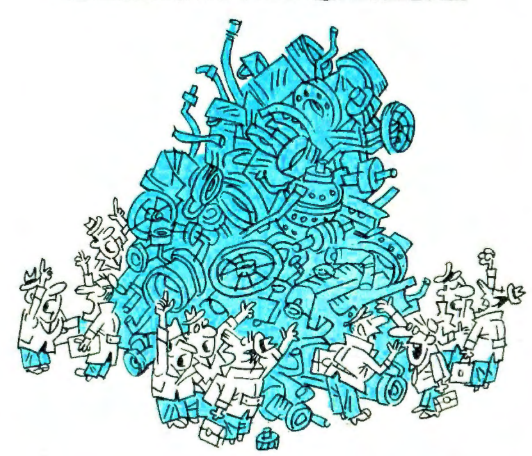
Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Наши читатели не дают угаснуть Крокодильскому Мартену. Они предлагают в переплавку лом: от брошенных чьей-то нерачительной рукой винтиков и до комбайна, раскуроченного на запчасти и похожего от этого на скелет мамонта...

В то же время читатели резонно спрашивают, почему «Вторчермет» не пустит в дело все пропадающие пропадом железки. Мы, помнится, пытались ответить на этот вопрос в фельетоне «Не в свою тарелку» (№ 9, 1980 г.). И получили много откликов, часть которых была включена в подборку «Железный потоп» (№ 18, 1980 г.). Снова последовал поток читательских писем. А разбирая почту, мы сделали любопытное открытие: оказывается, даже о самой что ни на есть обыкновенной железке можно судить по-разному. Вот, например,

ВОКРУГ ЖЕЛЕЗКИ

МНЕНИЕ ОЗАБОЧЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Дорогой Крокодил! Правильно ты песочишь нерадивых сдатчиков металлолома и безответственных работников «Вторчермета». В нашей Новгородской области иные горы лома достигают высоты пятиэтажного дома. Я даже видел на приемочных площадках письменные обращения к совхозам и колхозам больше не привозить металл. В самом деле, зачем тратить драгоценное время и собирать лом, если потом он лежит без дела?

Эти рассуждения об отношении к металлолому мы взяли из письма ветерана Великой Отечественной войны И. БАЛЬЦЕРА, который живет в поселке Лычково Новгородской области. Но, как показала почта, нечто подобное можно наблюдать и в Витебской области, что подтверждает

МНЕНИЕ СДАТЧИКА МЕТАЛЛОЛОМА

Твои выступления о ломе, уважаемый Крокодил, задели нас за живое. Мы у себя в райпотребсбыте собираем каждую железочку, а как наберем на целую машину, едем на базу «Вторчермета» города Орши. Однако машина с ценным сырьем может простоять там час, два, десять и, бывало, даже двадцать часов... Приемщик ссылается на отсутствие свободного места, крановщик, пока ему не вручишь пару рубликов, сетует на поломку подъемного крана...

А теперь еще по новым правилам металлолом у вас просто так не примут: каждый сдатчик должен при себе иметь приемо-сдаточные акты типографской формы. Типография же не принимает заказы меньше тысячи экземпляров. А поскольку мы сдаем в год всего 5 тонн лома, то этих бланков нам хватит на несколько сот лет! Очевидно, такие бланки должен выдавать сдатчикам сам «Вторчермет».

Однако эти выхваченные с натуры живописания директора Сенненского райтопсбыта А. ПИСКАЛЕВА как бы перечеркивает

МНЕНИЕ ПРИЕМЩИКА МЕТАЛЛОЛОМА

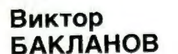
Иногда я слышу такие жалобы. «Наш завод ощущает острый недостаток металлического лома для литейного производства. В то же время у нас самих такой план сдачи металлолома, который мы выполнить не в состоянии».

Так пусть знают жалобщики, что «Вторчермет» тут вовсе ни при чем. Планы сдачи лома спускают предприятиям на основании их же отчетности те ведомства, которым они подчиняются. А «Вторчермет» только налагает штрафы за невыполнение этих планов. Так что одно из двух: либо собирать весь лом подчистую, либо утверждать реальные задания...

Теперь о наших трудностях. Уж кто нас крепко подводит, так это железнодорожники. Стало у них почти правилом подавать треть из запланированных для вывоза металлического лома вагонов. Поэтому приемочные площадки нашего цеха бывают завалены ломом по месяцу, а то по два. Вот тогда приходится давать сдатчикам от ворот поворот. Но жаловаться надо не на нас, а на железнодорожников...

Это письмо начальника металлоразделочного цеха Н. ГУСЕВОЙ из города Бежецк Калининской области лишний раз напоминает, что сколько людей, столько и мнений. Однако по отношению к металлическому лому не может быть и двух мнений: его следует направлять для переплавки на металлургические предприятия, минуя Крокодильский Мартен. Хотя он всегда к вашим услугам...

Дежурный по КМ В. КАНАЕВ.

Виктор БАКЛАНОВ

САНТА ЛЮЧИЯ

Рассказ

— Вызывали, Гор Горыч?

— Вызывал, Мазырин, вызывал. И есть для этого повод. И очень серьезный, представь, повод. Не знаю вот, что с тобою делать? Как, понимаешь, с тобою поступить?

— А-а-а что, Гор Горыч?

— А то, Мазырин, что — для наглядности загибаю пальцы — в прогульщиках ты ходишь — это раз. В рабочее время забиваешь козла — это два. Гонишь брак — это три. На программном станке вытачиваешь для себя разные штуковины — это четыре. Транжиришь почем зря электроэнергию — это пять. Могу, Мазырин, и дальше загибать, могу. Да только вот боюсь, что пальцев для этого на руках не хватит. Так что давай кончать с этим, Мазырин. Больше цацкаться с тобою не будем. Понял?

— Понял, Гор Горыч, понял. Чего же тут не понять? Дайте-ка мне ручку и чистый листок бумаги.

— А это зачем тебе, Мазырин, вдруг понадобились ручка и чистый листок бумаги?

— Напишу заявление.

— О чем же ты, интересно знать, напишешь заявление?

— Об уходе.

— Да ты что, Мазырин, в самом деле?

— Да, в самом деле.

— Что, вот так вот сразу?

— Да, вот так вот сразу.

— Не дури, Мазырин, вот что я тебе скажу. Станочников у нас и так не хватает.

— Нетушки, и еще раз нетушки, Гор Горыч. Ручку и бумагу на бочку!

— Ну, может, я погорячился малость, Мазырин. Но и ты пойми меня правильно. Войди в мое положение. Хотел тебя для порядка маненько покритиковать, что ли.

— Все равно уволюсь, Гор Горыч. Я такой. Раз обидели — не работник я у вас.

— Ну, извини в конце концов, Мазырин, извини. Ну, как-то у меня это ненароком вышло.

— А что мне от вашего «извини», Гор Горыч? На хлеб его не намажешь.

— Ну, не дуйся на меня, Мазырин! Ну, хочешь, мы пошлем тебя на недельку в «Жаворонки», в наш загородный профилакторий? Поостынешь маненько. Там у нас солярий, фотарий, дендрарий. А персонал какой! Согласен, а?

— Что мне эти «Жаворонки», Гор Горыч? Как что, так сразу и в «Жаворонки». Других посылают в Сочи, Кисловодск, Ялту. А Мазырина все в «Жаворонки» да в «Жаворонки». Нет, Гор Горыч, увольняюсь, и точка. Раз решил — все. И не уговаривайте.

— Ну, а ежели мы предложим тебе льготную туристическую путевочку?

— А куда эта льготная туристическая путевочка?

— Ну, допустим, на Селигер или в Домбай.

— Не пойдет, Гор Горыч, не пойдет. И на Селигере и в Домбае я уже бывал. Второй раз в одни и те же места я не езжу. Надо расширять кругозор.

— А на Байкал?

— И там бывал.

— М-м-да. Вот незадача. Ну, а куда бы ты сам хотел, Мазырин?

— Откровенно?

— Ну, разумеется.

— За рубёж, Гор Горыч, за рубёж. Венецию, например, хочется посмотреть. В гондоле покататься. Санта Лючию послушать... Я ведь по натуре человек музыкальный.

— Ну что ж, Мазырин, постараюсь удовлетворить и эту твою просьбу. Знаю, нелегко будет пробить это дело. Но и ты пойди нам навстречу. Останься в нашем коллективе. Ну так как, по рукам?

— Ладно уж, Гор Горыч, я человек отходчивый. Долго обиду не держу. Держите пять. Но только чтобы Санта Лючия была. И желательно на январь. В жару я ездить не люблю.

КуКрыНиксы

ТРОЕ И ЧЕТВЕРТЫЙ

Попробуйте задать кому-нибудь вопрос: что означает слово «КУКРЫНИКСЫ»? Вы встретите холодный, обиженный и даже возмущенный взгляд, как бы говорящий: — «Вы бы еще спросили, что такое «ПЯТИЛЕТКА», «ТЕЛЕВИЗОР» или «СПОРТЛОТО»...

А ведь было время, я берусь это утверждать, как крокодильский старожил, когда это слово вызывало полнейшее недоумение. Экзотическое растение? Редкая океанская рыба? Индийская религиозная секта? И расшифровка его как сочетания фамилий трех молодых художников-сатириков — КУПРИЯНОВА, КРЫЛОВА и Николая СОКОЛОВА — была для многих любопытной и веселой неожиданностью.

Историю этого удивительного и неповторимого содружества можно, пожалуй, изложить в форме краткой и чуть-чуть загадочной притчи: жил-был Один и жил-был Другой. Потом их стало Двое. А когда к ним вскоре присоединился Третий, то на белый свет появился Четвертый.

Трое очень полюбили Четвертого. Они привязались к нему всей душой, щедро, без остатка стали отдавать ему все лучшее, дорогое и заветное, чем обладали сами,— талант, остроумие, изобретательность, мастерство, трудолюбие. Четвертый очень прилежно и благодарно воспринимал эти замечательные качества, рос не по дням, а по часам, шел от успеха к успеху и вскоре стал знаменитым художником, завоевавшим широчайшую популярность.

Так созданный и взращенный Тремя Четвертый стал яркой и самостоятельной личностью, оставаясь вместе с тем единосущной, нераздельной, неотъемлемой частью Троих. Мистика? Нет, просто удивительный, беспримерный, единственный в мировой истории искусства случай столь органичного слияния трех дарований.

Неразрывная личная дружба, монолитная сцементированность художественных принципов, абсолютное единство идейной и гражданской направленности, глубокое совпадение эстетических взглядов и позиций в искусстве, замечательное сродство присущего каждому из Кукрыниксов юмора — все это спаянное воедино и создало сверхпрочный «сплав» уникальной, испытанной десятилетиями творческой коммуны.

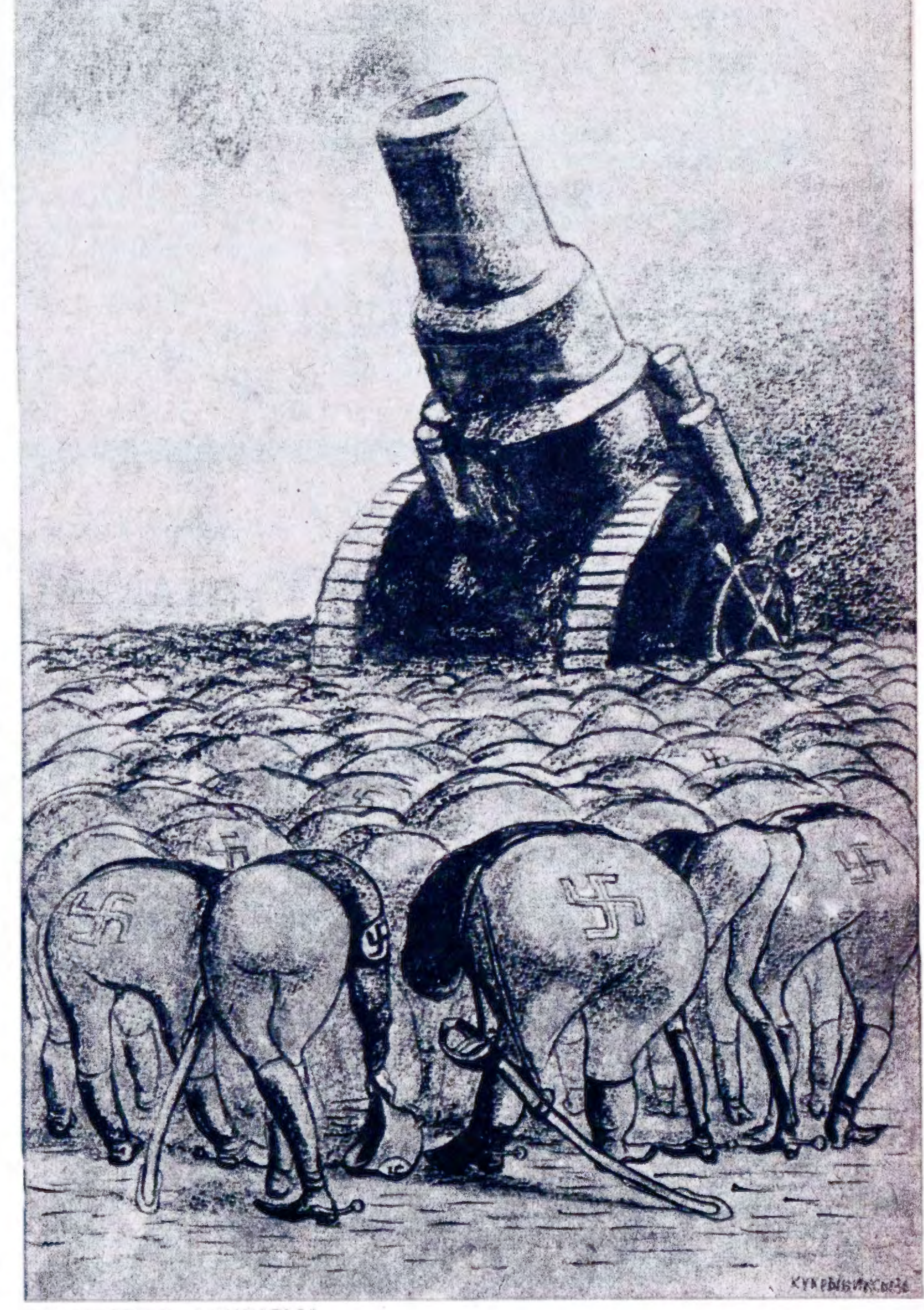
Михаил Куприянов, Порфирий Крылов и Николай Соколов внешне очень непохожи друг на друга. Но даже в этой несхожести есть какая-то своеобразная гармония. Когда все трое вместе, то они, если можно так выразиться, удивительно удачно сочетаются «композиционно». В этом можно убедиться, хотя бы глядя на их коллективный портрет, созданный П. Кориным. А вот занятный литературный портрет, вышедший из-под пера Бориса Полевого:

«...Увидел я Кукрыниксов впервые в Нюрнберге, в зале заседаний Международного военного трибунала. Увидел издали. И вот как это произошло. За несколько минут до того, как стукнул по столу судейский молоток, в зал вошли трое. Впереди, чуть семеня, маленький лысоватый человек, за ним — человек повыше, голубоглазый, с есенинской кудрявой головой, а сзади неторопливо шагал на длинных ногах высокий мужчина, шагал очень прямо, как-то по-верблюжьи неся свою голову. У всех трех под мышками были одинаковые папки. Но у того, что семенил впереди, папка казалась огромной, а у того, что вышагивал сзади,— маленькой».

— А как же все-таки они работают втроем? — не перестают допытываться почти шесть десятилетий все, кого восхищает великолепное мастерство триединого коллектива.— Кто из них главный? Кто руководит, а кто выполняет? Может, кто-то придумывает сюжеты, а остальные рисуют? Или наоборот?

«Секреты» своей творческой лаборатории Кукрыниксы давным-давно раскрыли, живо и интересно рассказав о них в отличной книге, которая так и называется — «Втроем». И оказалось: все трое главные, все руководят и все выполняют, все придумывают и все рисуют. Мало того, все друг друга поправляют, все друг друга критикуют, иногда горячо спорят, энергично полемизируют, но в конце концов приходят к общему согласию и единому решению. Теперь мы знаем, что именно таким образом и были созданы известные всему миру трижды талантливые произведения Кукрыниксов: и великолепные разящие карикатуры, и блистательные остроумные шаржи, и проникновенные книжные иллюстрации, и яркие живописные полотна.

Давняя и добрая дружба связывает меня с Кукрыниксами. Больше полувека трудимся мы плечом к плечу в советском сатирическом цехе, связаны многими общими воспоминаниями, событиями, испытаниями военного времени. Хорошо помню первое появление этой своеобразной, сразу привлекшей всеобщую симпатию троицы в журнале «Прожектор», издававшемся «Правдой» в середине двадцатых годов, а потом, некоторое время спустя, их приход в «Крокодил» в 1932 году, то есть в год десятилетия журнала, которое они ознаменовали большим многофигурным рисунком «Крокодильский корабль». С веселым и озорным сходством Кукрыниксы изобразили на этом рисунке юбиляров — художников и писателей журнала. Тут были Д. Моор, М. Черемных, В. Лебедев-Кумач, А. Радаков, Ю. Ганф, И. Ильф, Е. Петров, К. Ротов, В. Козлинский и другие во главе с редактором журнала М. Мануильским. Все, кроме... самих Кукрыниксов. Видимо, из излишней скромности они не сочли возможным поместить себя среди «кадровых» крокодильцев, хотя к тому времени со свойственной им активностью и увлеченностью уже включаются в работу журнала. Помимо того, что на страницах «Крокодила» регулярно появляются рисунки «троицы», Кукрыниксы становятся членами редакционной коллегии и фактически художественными редакторами журнала. Они неизменно входят в бригады крокодильцев, выезжающие с сатирическими «рейдами» на крупнейшие промышленные предприятия. Они рисуют в цехах сатирические плакаты, прохватывающие бракоделов, прогульщиков, зажимщиков критики. Вместе с поэтами создают многокрасочные «Окна Крокодила» на местные злободневные темы.

БОЖЕСТВО ФАШИЗМА.

Шли годы и десятилетия. И каждый минувший год вносил что-то новое, ценное и значительное в «послужной список» Кукрыниксов, прибавляя им опыта и мастерства, совершенствуя их умение «хорошо видеть и тонко изображать», расширяя диапазон их художественных интересов. Их творческая биография обогащалась новыми и новыми произведениями, в которых раскрывалась прямая, кровная сопричастность их искусства к тревогам, бурям и свершениям эпохи, ответственность художников перед своим народом.

Одной из самых ярких и впечатляющих страниц неустанной художественно-публицистической деятельности Кукрыниксов стала их работа в годы Великой Отечественной войны, о чем выразительно рассказала замечательная, пронизанная огромным патриотическим чувством выставка созданных ими плакатов, карикатур и «Окон ТАСС», открытая к 40-летию великой битвы под Москвой. Пожалуй, никогда еще не были так мощно и концентрированно показаны роль и значение изобразительного искусства, и в частности сатирической графики, как незаменимого и действенного агитационного оружия, помогающего народу разгромить врага.

...Со времени возникновения знаменитого содружества промчалось шестьдесят лет. По-прежнему работают вместе Миша, Порфиша и Коля. Но за это время три одаренных рабочих паренька из Тетюшей, Тулы и Рыбинска стали прославленными мастерами, народными художниками Советского Союза, Героями Социалистического Труда, лауреатами Ленинской и Государственных премий, кавалерами многих высоких правительственных наград. К тому же, не скрою, стали они и дедушками.

О них написано несметное количество статей, очерков, научных исследований, диссертаций, книг. Не раз писал о них и я. А однажды даже в стихах! Этот странный случай произошел в 1953 году, когда отмечалось 20-летие работы Кукрыниксов в «Правде» и редакция многотиражки «Правдист» попросила меня откликнуться на этот юбилей. Стихи на случай сохранились, я их имею, вот они:

КУКРЫНИКСАМ

К 20-летию их работы в «Правде»

Я сроду не писал стихов,
Но в данном случае — готов.
Хоть трудно, братцы, сладить с рифмой
(Швецову*, скажем, легче с ней),
Но тем, мне кажется, ценней
Сей поэтический порыв мой.

О трех художниках-друзьях
Писал немало я в статьях,
Хвалил и устно и печатно,
Не уставал неоднократно
В пример их ставить молодым,
Дивясь талантам их тройным.

Сегодня вновь хвалу поем
И честь за то им воздаем,
Что на страницах «Правды» славной
На страже двадцать лет стоят,
Врагов без устали разят
Сатирой меткой и забавной.

И дружно нам поздравить надо
Ту триединую бригаду,
Где с самой ранней их поры
Нам дорог каждый Кукрыникс —
Степенный КУ, лукавый КРЫ
И, как всегда, веселый НИКС.

И я, как все, сердечно рад
Поздравить сей триумвират.
Пускай и впредь сия триада
Без промаха пронзает гада
С тройною силой и уменьем,
С тройным упорством и гореньем.
Закончить оду я спешу
(В другой раз прозой допишу).
Друзей приветствуем. Ура!
Им в ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ год пора.

Бор. ЕФИМОВ

* Сергей Швецов — поэт-сатирик, в то время редактор «Крокодила».

На страницах 8—11 мы публикуем отрывки из книги Кукрыниксов «Втроем».

УЧАСТЬ ЛЮБОГО АГРЕССОРА.

НОВЫЙ ВИД ВООРУЖЕНИЙ ЖАЖДЕТ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ.

Война!

Это слово, оглушающее, как взрыв, мгновенно вытеснило из сознания каждого советского человека все другие мысли. Какими ничтожными, пустяковыми показались те заботы, беспокойства, которые еще вчера считались важными!

Мы немедленно едем в редакцию «Правды». В автобусе все возбуждены. Какая-то женщина пытается сдержать рыдания.

●

В «Правде» все сотрудники уже в сборе. Нас встречают словами:

— Вот вам троим теперь будет работа!

Как хочется, чтобы наш труд оказался сейчас не менее нужным, полезным, чем в мирное время!

Вернувшись из редакции домой, сразу же сели за работу и сделали два эскиза. Один рисунок изображал красноармейца, который прокалывает штыком Гитлера, порвавшего договор о ненападении на СССР. Другая карикатура — Гитлера ждет судьба разбитого в свое время Наполеона.

Вечером того же дня на совещании работников культуры в отделе агитации и пропаганды ЦК партии шел разговор о работе над плакатами.

Оба наши эскиза были утверждены. Утром следующего дня плакаты ушли в типографию, а на третий день войны уже расклеивались на улицах различных городов страны. Появились плакаты и многих других художников — не только сатириков. Значит, наш труд оказался нужным с первых же дней войны. Плакаты звали народ на борьбу с врагом, раскрывали преступную сущность фашизма, вселяли уверенность в победе над ним.

●

Во время воздушных тревог мы втроем выходили на дежурство во двор, надев противогазы. Маршака дежурные обычно пытались отвести в убежище. Он всегда сопротивлялся:

— Я хочу быть с Кукрыниксами во дворе!

А когда на пороге убежища появлялись мы, Самуил Яковлевич бурно рвался к нам и громко кричал:

— Помогите мне выйти отсюда!

И, вырвавшись, счастливый, бродил по темному двору. До самого отбоя слышался стук его палки, и знакомый голос спрашивал из темноты:

— Михаил Василич! Где вы?

Покурить он уходил подальше от убежища, в какой-нибудь подъезд и там под лестницей, усталый, засыпал с зажатым в кулаке окурком.

●

Присутствуя на Нюрнбергском процессе и делая зарисовки с подсудимых, мы поставили перед собой задачу избегать сочинительства. Зарисовки эти были, конечно, шаржированными, но они не трактовались как схемы того или иного персонажа, не выходили за границы портретного образа. Зоологичность персонажей должна была быть передана психологически, а не сочетанием, скажем, человеческих и звериных форм.

Мы хотели, чтобы читатель «Правды», взглянув на рисунки «Из зала суда», сопровождавшиеся острыми подписями-памфлетами Вс. Вишневского, не получил такого впечатления, будто художник никуда не выезжал и свои зарисовки сделал у себя дома, в Москве, все по той же фотографии сорок первого года. Нам хотелось, чтобы в наших зарисовках читатель почувствовал сорок пятый год, чтобы он, миллионный читатель, представил себя присутствующим в зале суда и видящим перед собой фашистских преступников. Но в то же время мы стремились, чтобы характерность каждого «портрета» была выражена предельно, будь то жестокость, хитрость, тупость, игра в безразличие...

●

Как бы подсудимые ни выражали свое особое неудовольствие присутствием в зале советских людей, известных им писателей и журналистов; как бы Гесс шепотом ни упрашивал Геринга закрыть его собой, чувствуя, что его рисуют; как бы Геринг ни просил часового продвинуться правей, чтобы его, Геринга, не видно было, — все равно они принуждены позировать многим художникам и фотокинорепортерам, сидящим в зале. Среди прочих художников, приехавших в Нюрнберг из различных стран, их рисовал популярный английский карикатурист Давид Лоу, пробывший на процессе три дня. Почти на всех заседаниях трибунала находился в зале суда известный советский писатель, участник Великой Отечественной войны Бор. Полевой, впоследствии написавший превосходную книгу о Нюрнбергском процессе. Уезжали одни, приезжали другие. Писатели, журналисты, киноработники расскажут и покажут всему миру страшную правду о фашистских убийцах. Ведь не простое любопытство, а желание до конца узнать этих «сверхчеловеков», столько лет кричавших на весь мир о себе, привело большинство людей в этот зал.

●

Снова мы в зале суда. Довольно рано приходят сюда защитники в черных длинных мантиях и черных шапочках. Вначале они группируются возле часовых, где проверяются их объемистые портфели, на лицах адвокатов во время этой процедуры выражение агнцев. Затем они теснятся у барьера скамьи подсудимых или роются в бесчисленных бумажных кипах. К трибуне защитники льнут, как мухи к варенью, — иногда их почти невозможно оторвать от нее. Тут и позерство, и блудливые жесты, и лицемерие, и хитрые увертки, увод от существа вопросов. Защита как бы заменяет кислородную подушку, пытаясь продлить существование никому не нужных человеческих отбросов. Но никто и ничто не поможет тем, кто находится при последнем издыхании.

Весной 1942 года было опубликовано постановление о присуждении Государственных премий в области советского искусства за 1941 год. Нашему коллективу Кукрыниксы была присуждена премия первой степени за политические плакаты и карикатуры на антифашистские темы. Объединившись с поэтами Н. Тихоновым, С. Маршаком, С. Михалковым и В. Гусевым, тоже получившими Государственные премии, мы передали деньги на постройку тяжелого танка «КВ» и назвали его «Беспощадный». На башне этого танка нами была изображена карикатура на Гитлера, разлетающегося в куски от выстрела советского танка, и под карикатурой поэты С. Маршак и С. Михалков написали стихи:

Штурмовой огонь веди,
Наш тяжелый танк,
В тыл фашисту заходи,
Бей его во фланг.

Экипаж бесстрашный твой,
Не смыкая глаз,
Выполняет боевой
Родины приказ!

В мае сорок второго года наш танк был передан Советской Армии. Экипаж его героически воевал. Началась переписка с танкистами. В тяжелых боях погибли командир «Беспощадного» Паша Хорошилов и танкист Алеша Фатеев. Смерть их мы переживали, как гибель наших родных братьев.

Однажды, после тяжелых боев, танк прибыл на ремонт под Москву. На его стальной броне оказалось более сорока вмятин. В ней застряли вражеские снаряды. И поэты и мы помогли его ремонту.

В течение всей войны танк «Беспощадный» был для нас каким-то живым, очень близким существом, и это заставляло волноваться и заботиться о нем.

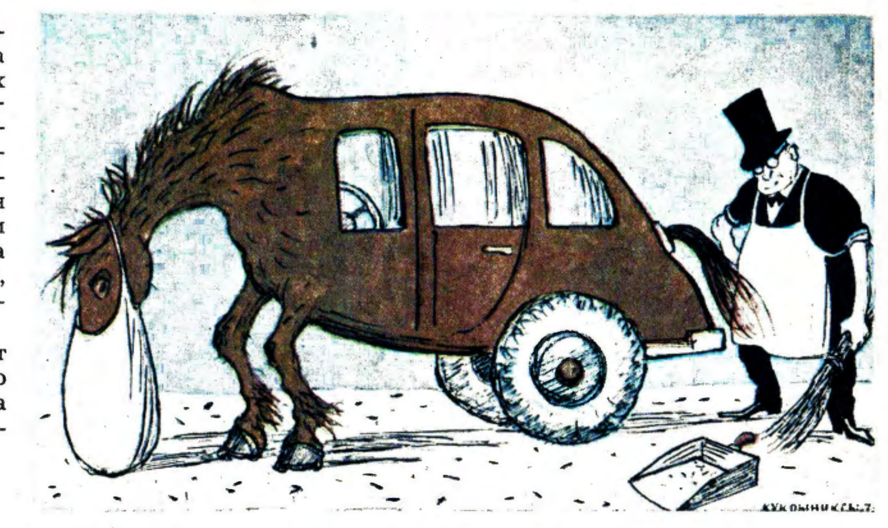

ПОСЛЕДНЯЯ ЛИНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОБОРОНЫ. ЗАЩИТНИКИ ЗА РАБОТОЙ.

После осмотра бывшей рейхсканцелярии Гитлера каждый из нас решил написать по этюду с натуры: Ку — приемную фюрера, Кры — его кабинет, Никс — разбитый угол здания с площади. Окончив работу, мы зашли в небольшую комнату, чудом сохранившуюся. В ней был устроен кабинет нового коменданта канцелярии. За столом сидел молодой советский майор.

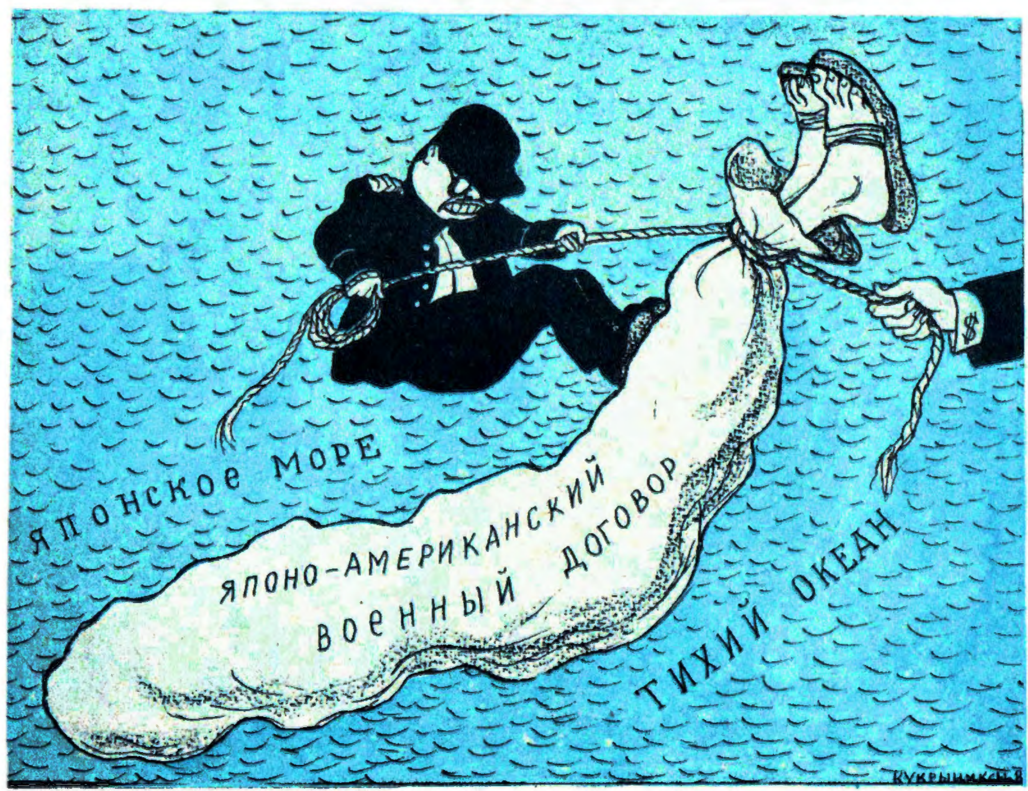
Прощаясь, как он сказал, «с живыми Кукрыниксами», он подарил нам большую книгу с цветными репродукциями канцелярии, какой она прежде была, и папку с вложенным в нее пергаментом, на котором стояла собственноручная подпись Адольфа Гитлера, вернее, две странных чернильных каракули под помпезным наградным листом генералу бронетанковых войск Рудольфу Шмидту. В этом листе говорилось, что Шмидт награждается железным крестом с дубовыми листьями. На пергаменте стояла дата: 10 июля 1941 года. Значит, уже больше двух недель шла война с Советским Союзом.

— Это вам, Кукрыниксы, от меня на память за то, что вы всю войну рисовали карикатуры на этого гада! — сказал майор, передавая нам папку и книгу.

НОВЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ВНУТРЕННЕГО СГОРАНИЯ.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ.

Наша дружба возникла полвека назад. Познакомились мы, будучи студентами Вхутемаса (Высшие художественно-технические мастерские в Москве). Здесь-то и возникло наше содружество. Сатирический раздел институтской стенгазеты, называвшийся «Арапотделом», помещал карикатуры, высмеивавшие неполадки студенческой жизни, увлечение в некоторых мастерских формализмом. Работая вместе над одним рисунком, помогая друг другу, мы втроем обсуждали тему, втроем разрабатывали черновики и затем совместно выполняли рисунок. В то время мы, конечно, не думали, что будем работать втроем всю жизнь. Однако с первых же дней содружества каждый из нас увидел пользу и интерес в коллективе. Если бы кто-либо из нас тяготился совместной работой, наш коллектив давно перестал бы существовать.

●

Первый наш совместный рисунок появился на страницах молодежного журнала «Комсомолия». По совету вхутемасовца Ивана Рахилло редактор этого журнала поэт А. Жаров предложил нам попробовать сделать дружеские шаржи на комсомольских поэтов и писателей. Мы пришли втроем с папками и в тесных маленьких комнатушках редакции стали рисовать «с натуры» шаржи на приглашенных туда литераторов. Смех, реплики подхлестывали нас. Некоторые из нарисованных нами не узнавали себя, хотя окружающие считали их похожими.

Наши работы стали появляться в журналах «Прожектор», «Рабоче-крестьянский корреспондент», в газете «Комсомольская правда», в журнале «Крокодил», с которым связаны долгие годы нашей сатирической работы. Особой честью для себя мы считаем многолетнее сотрудничество в газете «Правда».

Работая в этих изданиях, мы руководствовались теми же принципами, которые были выработаны во вхутемасовской стенгазете. Ими мы продолжаем руководствоваться и теперь.

В чем же заключаются эти принципы?

Прежде всего мы верим друг другу. Ведь неудача общей работы — вина каждого из нас и, наоборот, удача — большая личная радость. Каждому из нас хочется видеть коллективную работу обогащенной выдумкой и качеством исполнения, и для этого мы вносим в нее лучшее, что имеем, не жалея и ничего не приберегая для себя лично. Здесь нет места для болезненного самолюбия по принципу: «Мое лучше».

Спорим ли мы? Случается. Но это бывают лишь творческие споры, не нарушающие единодушия в работе. Любой такой спор решается с карандашом в руке. Допустим, мы обсуждаем решение очередной темы и одному из нас кажется, что его предложение лучше. Тогда ему говорят: возьми и нарисуй, как ты это себе представляешь. Когда рисунок готов, все вместе его обсуждаем и можем сказать: ты прав, надо так делать. Или наоборот: нет, это неубедительно потому-то и потому-то. Обиды здесь не может быть, нужно верить коллективу. Приходится призадуматься: а, может, я действительно не прав?

За долгие годы содружества каждый из нас привык верить товарищам, как самому себе. Мы друг у друга учимся, друг другу помогаем. Это еще больше нас объединяет.

Как мы работаем над карикатурой?

Приходя ежедневно утром в мастерскую, мы все трое уже из дома приносим туда свои размышления, а иногда и решения предстоящей творческой задачи. Обсуждая, мы выбираем наиболее интересные предложения, иногда совмещаем их, используя отдельные детали разных вариантов. Черновые эскизы делает каждый. Рассматриваем черновые рисунки трех, выбираем наилучшее решение, кладем его в основу. В процессе окончательного исполнения рисунок может переходить из рук в руки, пока не станет удовлетворять всех.

У нас в коллективе нет разделения труда. Нет того, что один из нас рисует только головы, другой мастер по туловищам, а третий приделывает руки и ноги. Каждый из нас должен уметь все. Профессиональный рост каждого необходим всему коллективу.

И совсем не обязательно, чтобы в совместную работу каждый из трех вносил ровно треть общего труда. Иногда один даст очень много, а другому в тот раз ничего не придет интересного в голову, зато в следующий раз все будет наоборот. Случается, что и все трое работают с одинаковым успехом.

Нас иногда спрашивают, какой жанр, какой вид работы нам больше всего по душе. Трудно сказать. Мы любим ту работу, которая увлекла в данный момент, — карикатура ли это или плакат, картина или иллюстрация.

Конечно, большое место в нашей жизни занимает тот вид работы, с которого мы начинали, — газетная карикатура.

Специфика газетной работы требует от художника быстрого и оперативного отклика на важнейшие события дня. У него мало времени для разработки темы и создания рисунка. Но оперативность этой работы не дает художнику права на скидку — он должен с предельным лаконизмом, изобретательностью и сатирической остротой раскрыть в своем рисунке существо того или иного события.

Вот этот принцип — работать без скидки — для нас очень важен, и не только в газетном рисунке. Именно поэтому некоторые из наших картин имеют две даты: созданные когда-то, они не удовлетворили нас и заставили снова вернуться к ним, чтобы полнее, точнее передать наш замысел.

Много наших работ сделаны не так или не совсем так, как хотелось бы. Но никогда недостатки наших работ не объясняются малым количеством вложенного в них труда. И очень больно, досадно бывает порой, когда услышишь от какого-нибудь молодого творческого работника такую нелепую и вредную мыслишку, что, дескать, все решают талант и вдохновение. Нет, нет и еще раз нет. Не может быть ни таланта, ни вдохновения без кропотливого труда. А история живописи очень ясно, как, быть может, никакая другая история, свидетельствует о том, что самые яркие дарования, если их развитие не подкрепляется упорнейшей работой над собой, над каждым произведением, — безвозвратно гибнут.

На протяжении долгой совместной работы у нас выработалась своя внутренняя конституция. Мы так привыкли работать втроем, что, если случается одному из нас заболеть, — двум другим легче работать, находясь в одной комнате с больным. Сам он может и не работать, но его присутствие, его слово помогают работе. Или такой пример: допустим, у кого-либо из нас приобретают работу, сделанную персонально, подписанную своей фамилией, — все равно гонорар, полученный за нее, делится на три части, как и за общую, кукрыниксовскую. Мы к этому привыкли, нас это устраивает.

Коллективная работа очень укрепила нашу дружбу. Каждый из нас троих заботится о личном своем росте, но то, что создано коллективно, не смог бы осилить любой из нас в отдельности. В нашем коллективе, кроме Куприянова, Крылова и Соколова, есть еще четвертый художник, о котором мы больше всего заботимся, это — Кукрыниксы. Мы знаем, что он необходим нам так же, как и мы ему. В этом — наше счастье.

●

АМЕРИКАНСКИЙ ПОДАРОК БРИТАНСКОМУ ЛЬВУ.

Татьяна ШАБАШОВА, специальный корреспондент Крокодила

До невероятности тихо произошло исчезновение имени Владислава Иосифовича Савицкого из сельских гроссбухов. Не было его ни в списках колхоза имени XXII съезда КПСС, где Савицкий много лет трудился и заработал пенсию, ни в домовых («шнуровых») книгах деревни Плебановцы Конюховского сельсовета Берестовицкого района, где он много лет проживал.

Этот поразительный факт вступал в вопиющее противоречие с действительностью, потому что в действительности сам Савицкий никуда не пропадал, с насиженного места никуда не подавался. Хоть непреклонный возраст его тяготел к отметке «90», Владислав Иосифович — многоопытный садовод — не переставал обихаживать свой хутор с фруктовым садом.

В посильных трудах жил-был Владислав Иосифович. Летом в благодатной окружающей среде отдыхал от работы, сидючи на своей террасе, а зимой, когда трудновато становилось таскать дрова и топить печь, укутывал и утеплял каждое дерево, а сам перебирался в соседний дом к дочери Ядвиге, к внукам и правнукам.

В такую простудную, слякотную пору двигался мимо дома Савицкого председатель сельсовета Иосиф Иосифович Шипица и, не узрев хозяина в его жилище, зафиксировал факт непроживания и оставления хутора на произвол судеб.

Председателю и книги в руки. Со сладким чувством своего всемогущества берет Шипица в руки вверенную ему шнуровую книгу и шариковой ручкой проводит в ней аккуратную черту. Чирк — и старожила нет среди населения деревни Плебановцы, а сельсовету есть подарок — бесхозный хутор.

В полном согласии с Шипицей действует и председатель колхоза Ростислав Николаевич Хомко. На том основании, что Савицкий выписан из шнуровой книги, он махом своего пера исключает его из членов колхоза.

Не ведавший ничегошеньки про эти подспудные чернильные манипуляции, не догадываясь о том, что он в родной деревне как душа населения уже не существует и сад его ничейный, шибко расстраивался Савицкий из-за набегов главного инженера-землеустроителя Думного Н. Б. Николай Борисович повадился в сад к Савицкому, без элементарного «Здрасьте!» топал по клубничным грядкам, тряс в мешки яблоки, к старику подступал, требовательно щелкнув себя по шее чуть ниже уха. Однажды за такое требование был вытолкан пришедшей к отцу дочерью Ядвигой.

С неутоленной жаждой удалился Николай Борисович.

А вскоре...

Дед таскал навоз — заготавливал на будущую весну удобрения для огорода,— когда к дому подкатили три трактора и возглавлявшие армаду Думный и Хомко дали команду хутор сносить как бесхозный.

— Это как же так? — ахнул Савицкий.— Ведь я еще живой!

Но руководству некогда было препираться с дедом. Ему, руководству, и так нелегко пришлось с трактористами. Строптивцы не пожелали выполнять команду и уехали. Пришлось применить власть, чтобы пригнать их обратно.

Двое суток без сна и отдыха трудились Хомко и Думный, трудились с огоньком, с прибаутками, подбадривая угрюмых трактористов, когда трактора перемешивали с землей дом, сарай, сад...

Но, конечно же, не по наитию действовали Хомко и Думный, а по плану культурно-технических работ колхоза, согласно которому бесхозные хутора раскорчевываются под пашню.

Но в плане ничего не сказано о том, что претворять его в жизнь надо именно с хутора Савицкого, в то время как рядом находятся действительно бесхозные хутора, также включенные в перспективное окультуривание.

Загадочно не только то, почему эти хутора до сих пор остаются нетронутыми, но и то, что земля в так поспешно развороченном саду Савицкого по сей миг пребывает в непригляднейшем виде, с торчащими кверху корнями поваленных деревьев, забытая и, похоже, ненужная колхозу.

— На каком основании выписали Савицкого? — спрашиваю председателя сельсовета.

— На основании этого, как его... устного заявления!

— Кто сделал это устное заявление?

— Кто? — напрягается Шипица и, наткнувшись глазами на сидящую тут же дочь Савицкого Гелену, озаряется:— Вот она!

— Та зачем бы я стала просить выписать батьку из его дома? — взрывается Гелена.— Та я ж к вам ходила, просила помочь батьке в ремонте дома, а вы дали мне хоть доску? Я говорила, что худо батьке жить в дырявом доме, а вы что ответили?

Хоть убейте, не повторит сейчас председатель тех слов, что бойкими воробышками вылетали из его уст. «Твой батька и так зажился!» — ответил тогда Шипица.

Теперь на щеках его полыхают протуберанцы. Он оправдывается, мучительно завидуя Хомко, который в эти минуты пребывает на курорте в Сочи, нежится в черноморской волне. Думный тоже как сквозь землю провалился.

— Мы снесли дом,— давится словами Шипица,— так плохой был дом, непригодный для житья.

— Это ваше персональное мнение. А была комиссия? Акт обследования есть?

Не було комиссии. Нема акта.

А ведь дом был застрахован, и владелец аккуратно платил взносы. Но застраховывается строение от огня, взрыва, наводнения, землетрясения, оползней, ураганов и бурь, но не от самоуправцев.

И проступает интереснейшая предпосылка: выписываться Савицкий не думал и не собирался. В паспорте у него прежняя прописка в деревне Плебановцы. Хутор его не был бесхозным, но снесен. Выходит, надо возмещать убытки! Закон наш строг, требует платить владельцу за каждое поваленное дерево, за каждый куст.

Но платить не хочется! Куда проще в ответ на жалобы плодить следующие документы:

«Гражданин Савицкий в ы п и с а л с я (разрядка моя.— **Т. Ш.**) из Берестовицкого района. В связи с этим... Управление сельского хозяйства не имеет оснований дать согласие на возмещение затрат, вложенных в свое время Савицким...» Бумага подписана В. С. Лупачем — начальником управления. Но настораживает небольшая деталь, рядышком с подписью Лупача гриф: «ГОТОВИЛ гл. инженер-землеустроитель Н. ДУМНЫЙ».

Руками всплеснул прокурор Гродненской области И. Р. Комлев, увидев солидный документ, который скрепил неразборчивой подписью его «перв. зам.»:

«Прокуратурой Гродненской области Ваша жалоба... рассмотрена.

Установлено (!) (восклицательный знак мой.— **Т. Ш.**), что Вы выбыли для постоянного проживания в дер. Индура, где у дочери Гелены имеется дом. По ее заявлению (?) (вопросительный знак мой.— **Т. Ш.**) вы были выписаны с прежнего места жительства, о чем свидетельствует запись в шнуровой книге сельсовета (опять «шнуровая книга»! — **Т. Ш.**). Весь хутор являлся бросовым, а поэтому обращен в пашню».

— Какое он имел право решать?! — негодовал Комлев.— Это спор гражданский! Он должен был направить Савицкого в суд!

Прокурор Берестовицкого района М. И. Кийко тоже активно включился в это дело. Он сообщал, что «согласно шнуровой книги (сохраняем грамматику документа) за Вами земельного участка не числится...» и что «согласно действующего законодательства, возмещение стоимости насаждений производиться не будет».

Все простенько и без затей — «не будет», и все тут.

Красен во гневе зав. райотделом соцобеспечения Берестовицкого райисполкома Л. А. Жвалевский. Да, он наслышан, что Савицкому перестали платить пенсию. Но он-то тут при чем? Чего от него хотят?

А хотят от него мало-мальски внятного ответа на вопрос, на каком основании прекратили выплату пенсии Савицкому.

— Так вроде бы выбыл он! Проживает где-то...— еще пуще пунцовеет Леонид Андреевич.— Откуда сведения? Кто-то говорил на почте... или нет, кажется, в сельсовете!.. Так сказать, устно говорили!

— Кто же все-таки дал указание не высылать пенсию деду?

Затрудняется товарищ Жвалевский припомнить первоисточник ценного указания.

Пять битых месяцев не получал пенсионер своих денег, а его пенсионное дело непонятно почему перекочевало в Гродно.

— Мы никакого запроса не делали,— разделяют наше удивление в Гродненском райсобесе.— В сопроводиловке Жвалевский пишет, что Савицкий выбыл в деревню Индура, а адреса не дает.

Не имея точного адреса, выслали райсобесовцы всю задолженность на Индурский сельсовет, подтвердив тем самым неувядаемость классического адреса «на деревню дедушке».

А ведь были светлые дни, когда получал Владислав Иосифович юбилейные медали «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Вооруженных Сил СССР». Ему же, как участнику Великой Отечественной войны, к Дню Победы в торжественной обстановке преподносили ежегодно денежные знаки внимания и сопровождали это рукопожатиями.

— Какой сад порушили, а что хорошего зробилы?! — сокрушается Владислав Иосифович и просит похлопотать, чтобы уплатили хоть за деревья. И неловко как-то, разговаривая с живым человеком, ощущать у себя в кармане жутковатую справку из адресного бюро, которая неумолимо гласит, что «Савицкий Владислав Иосифович, 1893 года рождения, прописанным в гор. Гродно и Гродненской области НЕ ЗНАЧИТСЯ».

Гродненская область.

КРО-КО-ДИ-ЛИН-КИ

Рисунок Л. ФИЛИППОВОЙ.

Рисунок С. СЕРГЕЕВА.

Рисунок П. ЛЕОНИДОВА.

— Все, бабка, заменил я тебе кран!

Рисунок А. ПОМАЗКОВА.

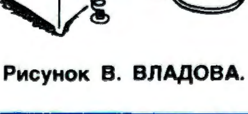

Рисунок В. ВЛАДОВА.

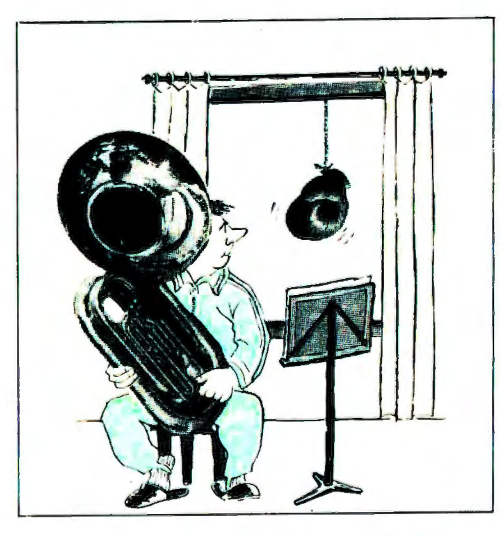

Рисунок Н. ЕЛИНА.

Юрий ЦЫБАНЕВ — Рассказ

СЧАСТЬЕ—ЗАБОТА ОБЩАЯ

Письмо в редакцию по поводу дискуссии «Почему мы одиноки?»

Почитаемый редактор!

Не без любопытства проглядываю Вашу дискуссию. Тема мне близка. Но что же: то совсем одинокие выступают, то совсем счастливые, то специалисты по счастью проценты подсчитывают? Этого мало. Жизнь все больше разветвляется и переплетается. Встают новые жилые массивы и магазины. Вширь и наружу пробивается метро. Значит, проблему счастья надо обсуждать и с проектировщиками, и со строителями, и с транспортниками, и уж обязательно со службами сервиса.

Я как раз вселился в новый жилой массив. Дотянулась до него ветка метро. Массив подкреплен содержательным гастрономом. Но сами по себе метро и гастроном волнующей нас с Вами проблемы не решают. Тут важны две детали.

В метро касса для размена бумажных и нестандартных денег временно закрыта—кассирша на свадьбе. Зато в гастрономе касса открыта. В ней сидит дама, которую надо видеть и слышать. У нее лицо женщины, способной знать французский язык. И голос ломового извозчика. Она всегда спрашивает мелочь. Женщине с таким лицом и с таким голосом невозможно отказать.

Как Вы уже, наверное, поняли, мелочь у наших жителей не задерживается. Поэтому ежеутренне все они встречаются у метро и выясняют, кто все же сумел сберечь разменную монету или даже пятаки.

Ваша газета, дорогой редактор, попросила читателей присылать невыдуманные жизненные истории, могущие стать примером для разного рода несчастливых и одиноких людей. Несколько таких историй из жизни нашего дружного района я и высылаю.

...Беспросветно одиноким был молодой человек Петр Ю. Я—не для печати, конечно,—могу Вам сообщить, что именно его письмом, озаглавленным: «По-мо-ги-те!!!», Вы открыли дискуссию. Как Петя в 10-м классе убегал от девочки Люси, потому что боялся ее поклонника из 8-го класса, Вы уже с волнением напечатали. Потом, во избежание худшего, его устроили работать в контору, где сидят такие же скромные бедолаги. Одиночество привольно растеклось по всем Петиным капиллярам. И вдруг—представляете!—возле метро ему пришлось обратиться к людям. Лицо Петра вмиг стало цвета морской волны, а пальцы рук и ног задрожали самой предательской дрожью. Петр наверняка бы упал и разбился, но его подхватил, спас и дал ему пятак общительный парень Федор, всегда выглядящий точно так же, как после вчерашнего. Петр теперь дружен с Федором. Мы надеемся, что он познакомится с людьми, и по-другому выглядящими.

...Несчастливую юность прожила девушка Надя. Ее мама, чертежница, как-то начертила на стене в Надиной комнате портрет Джоконды и купила ей искусственную косу, чтобы Надя хорошо вышла замуж. Надя ежедневно училась у Джоконды и аккуратно приклеивала косу. Не помогало. Тогда мама отправила ее в бюро знакомств. А мелочи-то на метро не оказалось! И так по-джокондовски вскрикнула Надя: «Выручите, миленькие!», что ребята района ее в момент окружили. От крика Надина коса отклеилась, и, опередив всех, ее поднял мальчик Алеша. Теперь Надя меняет деньги на проезд только у Алеши. Мы предполагаем, что скоро у них образуется общий разменный фонд.

...По-своему одиноким стал последние годы доктор, если не ошибаюсь, социологии. По иронии судьбы как раз он в Вашей дискуссии процент одиноких подсчитывал. Профессор раньше не был одинок. Материал для кандидатской он собрал в своей первой семье, для докторской—во второй. Кроме того, из-под его пера вышел целый ряд монографий, для которых, как Вы понимаете, он тоже использовал кое-какой материал. Но в последние годы его научная деятельность ограничивалась переизданием прежних трудов. И тут профессора пригласили читать лекции в институт. Он вывел свою машину на проезжую часть, но был принужден вернуться из-за непотребного состояния дороги. (И дорожников, дорожников тоже следует обязательно вовлечь в дискуссию, как это я про них забыл!) Профессору ничего не оставалось, как отправиться в метро. В результате завязавшихся разговоров с попутчиками недавно ученый в корне пересмотрел свою теорию стресса от первого брака.

...Вещью в себе был продавец мебельного магазина. Он глубоко верил, что может все, а поэтому при обнаружившемся затруднении сначала попробовал протолкнуть в разменный автомат трехкопеечную монету, а после неудачи—свернутый червонец. Не вышло! Прежде продавец если и разговаривал, то коротко и специфически. На ежедневных встречах у метро он постепенно изучает родной язык и узнает правила общения меж людьми, не интересующимися мебелью. Иначе ему не выйти из положения. Недавно продавец раскрыл книгу Гарина-Михайловского «Детство Тёмы». Мы верим, что это только начало.

Вот такие жизненные истории, уважаемый редактор, я Вам предлагаю напечатать в дискуссии. Согласитесь: наш массив обеспечен всеми условиями для того, чтобы искоренять одиночество и вырабатывать счастье. Думаю, и в ряде других районов дело за мелочью. Стало быть, проблему можно решить на плановой основе. Вот только где готовить кассирш с необычайными свойствами? Предлагаю привлечь артисток. Они у нас неисчерпаемо одарены внешне и внутренне. А для того, чтобы все стали счастливы навсегда, следует открыть специальный кассирский факультет в ГИТИСе.

У Тотоши и Кокоши

Проведем, уважаемые читатели, небольшую викторинку из серии «Что? Где? Когда?». Внимание, сосредоточьтесь! На обдумывание — одна минута! Вопрос: «Что объединяет три приведенные ниже цитаты?»

1. «Куда годится современная женщина? Ведь мужчины в настоящее время и лучше стряпают, и лучше стирают и гладят. Лучшие сиделки, слуги, парикмахеры, стенографы, клерки — все это мужчины. Единственное дело, в котором женщина превосходит мужчину, — это исполнение женских ролей в водевиле».

2. «Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотошей и Кокошей
По аллее проходил...»

3. «Мать пятилетнего мальчика, вернувшись из родильного дома, громко сокрушалась о том, что у нее вместо ожидаемой девочки — мальчик.

Слушая ее жалобы, сын посоветовал:

— А если копия чека осталась — можно и обменять!»

Ну, догадались? Думайте, думайте... Еще немного... Правильно!

Все три цитаты объединяются одним именем — Корней Иванович Чуковский. В первом случае он выступает как блистательный переводчик рассказа О'Генри, во втором — как непревзойденный мастер поэзии для самых маленьких, в третьем — как знаток детской психологии и речи. Писатель, литературовед, критик, филолог, переводчик — вот неполный список разнообразных «специальностей» Корнея Ивановича. Айболит и Мойдодыр, Тараканище и Муха-Цокотуха, Федора и Бибигон вошли в нашу жизнь и жизнь наших детей неотъемлемой частью...

31 марта этого года Чуковскому исполнилось бы 100 лет. И, готовясь отметить эту знаменательную дату, Крокодил вынес такое решение: продолжить дело Корнея Ивановича, начатое им в знаменитой книге «От двух до пяти», и завести на своих страницах в память о Чуковском рубрику «У ТОТОШИ И КОКОШИ». Здесь будут помещаться наиболее яркие образчики словотворчества и нестандартного, невзрослого мышления юных граждан. Ну, а материалы для этой рубрики мы просим присылать вас, дорогие читатели.

Уважаемые бабушки и дедушки! А также, конечно, мамы и папы, дяди и тети, просто хорошие знакомые нашей детворы! Бесценные воспитатели детских садов и яслей, педиатры и логопеды! Все те, кто учит малышей танцевать и петь, кататься на коньках и плавать, кто ухаживает за ними, пестует и воспитывает! Мы ждем ваших писем! Любой маленький юморист может стать дорогим гостем у Тотоши и Кокоши!

А пока напомним, как это выглядело у Корнея Ивановича Чуковского в книжке «От двух до пяти»...

— Сколько тебе лет?
— Скоро восемь, а пока три.

Отсидела ногу.
— У меня в ножке боржом!

Голый мальчик стоит перед зеркалом и говорит, размышляя:
— Глаза, чтобы смотреть... Уши, чтобы слышать... Рот, чтобы говорить... А пуп зачем? Должно быть, для красоты...

Мать причесывает четырехлетнюю Люду и нечаянно дергает ее волосы гребнем. Люда хныкает, готова заплакать. Мать говорит в утешение:
— Терпи, казак, атаманом будешь!

Вечером Люда играет с куклой, причесывает ее и повторяет:
— Терпи, коза, а то мамой будешь!

Старые слова по-новому

Вентилятор — вертилятор.
Паутина — паукина.
Пружинка — кружинка.
Милиционер — улиционер.
Буравчик — дырявчик.
Молоток — колоток.
Экскаватор — пескаватор.
Коклюш — кашляш.
Вазелин — мазелин.

Улыбки разных широт

— Почему вы решили ограбить именно этот магазин? — спросил полицейский у взломщика, застигнутого на месте преступления.

— Да потому что он ближе других к моему дому. Я не хотел оставлять квартиру надолго, вы сами знаете, какие сейчас беспокойные времена...

— Хорошенькое дельце! Ты одолжил Роберту три тысячи долларов, а он убежал с твоей женой!

— Я не настолько глуп, чтобы одалживать деньги просто так.

Известный поэт встретился с бездарным литератором. Тот спросил:

— Как дела, коллега?

— Коллега? — удивился поэт. — Ах, да, я забыл, что у вас тоже ревматизм.

— Скажите, я должен заплатить за стрижку полную стоимость этой работы? — спросил у парикмахера герр Мюллер, остатки волос у которого были весьма незначительны.

— Конечно! Посудите сами: чтобы отыскать ваши волосы, мне пришлось потратить не меньше времени, чем на стрижку самого густоволосого клиента.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ОТ ДОСКИ ДО ДОСКИ

проштудировали руководители Карасуского райкома Компартии Казахстана (Кустанайская область) № 28 «Крокодила» за 1981 год и, обнаружив в нем фельетон А. Ячменева «Раз дощечка, два дощечка...», приняли незамедлительные меры.

В райкоме партии осудили практику организации юбилеев, приводящую к грубым нарушениям государственной дисциплины (совхоз «Карасуский» в ознаменование своего пятидесятилетия истратил две тысячи рублей на закупку, как оказалось, никому не нужных сувениров).

За выбрасывание денег на ветер, а выражаясь протокольно, «за нерациональное использование денежных средств в период празднования юбилея» директору совхоза «Карасуский» тов. П. Мусиенко объявлен выговор.

ВЕЛОСИПЕД — НЕ РОСКОШЬ

Наш корреспондент Р. Киреев, здраво рассудив, что велосипед — не роскошь, а средство передвижения, обнаружил, что два его складных велосипеда «Салют» страдают множеством недостатков. Об этом он рассказал в фельетоне «Все четыре колеса» (№ 29, 1981 г.).

Как сообщил «Крокодилу» Комитет народного контроля, создана компетентная комиссия, которая установила, что достоинства велосипедов «Салют» не соответствуют не только Знаку качества, который на них изображен, но и вообще самым элементарным покупательским требованиям. Предписанием лаборатории государственного надзора за стандартами маркировка велосипедов государственным Знаком качества временно запрещена.

За серьезные недостатки в организации производства велосипедов директору завода объявлен выговор. Комитет народного контроля принял к сведению его заявление, что в ближайшее время качество «Салютов» будет резко улучшено.

Динтон ФОРД (Англия)

ЧИСТАЯ ПРАВДА

При звуке бьющегося стекла миссис Дирборн поспешила к окну. Она уже знала, что означает этот звон. В стекле зияла огромная дыра, как раз по размеру футбольного мяча, лежавшего у противоположной стены

— Опять!.. — простонала почтенная дама. — И когда же эти хулиганы наконец пойдут в школу!

В дни каникул мячи регулярно приземлялись в кухне миссис Дирборн, поскольку как раз под окнами ее дома находилось футбольное поле.

Обычно, устроив хорошую взбучку провинившимся, миссис Дирборн отдавала мяч. Но на сей раз ее терпение лопнуло. Она была полна решимости закатить такой скандал, что мальчишки до конца жизни не посмеют и приблизиться к ее окнам, не то что играть в футбол.

Сев у окна, миссис Дирборн напустила на себя грозный вид и стала ждать. Вскоре в дверь позвонили.

У крыльца стоял белобрысый мальчишка лет двенадцати. На нем были выцветшие шорты, майка, разрисованная какими-то расплывшимися физиономиями, и футбольные бутсы. Он хлюпнул носом и заканючил:

— Извините, мы больше не будем...

— Так это ты, хулиган, попал в окно? — возмущенно спросила миссис Дирборн.

— Нет, не я. Но ребята сказали, что за мячом должен идти капитан, а капитан — я. Вот я и пошел. Можно взять мяч?

— Что?! Чтобы вы опять били мне окна?

— Честное слово, мы больше не будем. Мы вообще перейдем в другой конец улицы. Честное слово!

Но миссис Дирборн все еще сомневалась, и тогда мальчик добавил:

— А насчет стекла вы не волнуйтесь! Мой отец сегодня же вечером зайдет к вам и вставит новое. Я все расскажу ему, а деньги он вычтет из моих карманных.

Миссис Дирборн, само собой разумеется, не поверила ни одному слову, но мяч все же отдала.

— Так и быть. Но предупреждаю — в следующий раз этому не бывать!

Мальчик выпалил свое «спасибо-большое-тетя-до-свидания!» и помчался по улице, словно маленький метеор, сверкая красными подметками бутс.

Миссис Дирборн, конечно, не ждала прихода папаши ребенка. Каково же было ее удивление, когда вечером к ней в дверь позвонил человек со стеклом в руках. Пройдя мимо оторопевшей женщины, он вставил его на место разбитого и достал какой-то бланк.

Удивление миссис Дирборн возросло до космических высот, когда мужчина, деловито улыбнувшись, протянул ей бланк — это был счет.

— В чем дело? — возмущенно спросила она.

— Это счет за работу, мадам, — ответил мужчина.

— Да... но... тот маленький мальчик, разве он вам ничего не сказал?

Мужчина оживился:

— Вот-вот! Он сказал, что надо вставить стекло на кухне, а счет оплатит мать. Разве вы не его мать?

Перевел Сергей МОСПАНОВ.

— Твои вечные стенания и вздохи рано или поздно толкнут меня в объятия другой женщины!

«Биллед-бладет», Дания.

— Ты уверен, что все будет в порядке, Орвиль?

«Дейли миррор», Англия.

— Поздравляю тебя, Марта, с днем рождения!

«Эпока», Италия.

ОТ БРАКА ДО РАЗВОДА

— Я думаю, семейная жизнь сложится у них хорошо.

«Квик», ФРГ.

— Я с тобой не развожусь только потому, что и развод с тобой был бы скучным!

«Лудаш мати», Венгрия.

КРОКОДИЛ
№ 6 (2376)
февраль

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора),
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор),
Г. О. МАРЧИК,
Н. И. МОНАХОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
В. И. СВИРИДОВ,
И. М. СЕМЕНОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМИРНОВ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14.

Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 года

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, Р. Друкман, Н. Елин, П. Леонидов, А. Помазков, В. Тильман, Л. Филиппова, А. Шамгунов (г. Алма-Ата).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Сдано в набор 22.01.82.
Подписано к печати 29.01.82.
А 05022.
Формат бумаги $70\times108\,^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Усл.-кр. отт. 11,20.
Тираж 5 500 000 экз.
(1-й завод: 1—3 348 363).
Изд. № 337. Зак. № 1974.

© Издательство «Правда». «Крокодил», 1982 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

— Я буду представлять ваш завод на хоккейном поле,
а вы будете представлять, что я у вас работаю!

Рисунок Б. САВКОВА.